

Врагу не сдается наш Вещий Олег: факторы успеха песен на Гражданской войне

В этой статье мы не будем затрагивать вопрос, почему на русской войне XX в. нельзя было обойтись без песен. Так или иначе, песни были включены в армейские практики, и поэтому мы можем говорить о песенных традициях и песенном репертуара армейских сообществ.

Традиция предполагает набор правил, которые интуитивно ощущаются носителями, позволяют им идентифицировать произведение именно как песню, уместную или не уместную в той или иной ситуации. В заголовке этой статьи помещен каламбур из текстов двух песен, и каждый, кто знает хотя бы одну из них, ассоциирует этот каламбур с песней и не затруднится с выбором для нее напева, тем более что у исходных песен он общий.

«Ой мороз, мороз» и «Как молоды мы были» могут оказаться уместными на дружеском застолье носителей русского языка, родившихся в СССР в брежневскую эпоху – и не только потому, что обе получили известность в 1960-70-е гг. и отсылают к общему песенному опыту. В них можно найти и схожие формальные черты: протяжная манера исполнения и ностальгия по идеализированному прошлому.

Тема и форма песен коррелируют с ситуацией, с кругом вовлеченных в нее лиц, т. е. с функциональным назначением песен. Песни определенной формы и темы для конкретной ситуации более типичны.

Мы, преимущественно на русскоязычном материале, попытаемся выявить черты песен, наиболее типичных для Гражданской войны.

Большинство ее участников были уроженцами Российской империи, носителями песенных традиций и репертуара ее социальных групп и институтов; на основе этих традиций и репертуара и формировался песенный репертуар войны.

Мы рассмотрим наиболее важные для Гражданской войны песенные традиции: массовую песню начала XX в., армейские и казачьи песни, песни революционные, церковные, песни учащейся молодежи, а также официальные имперские гимны.

Массовая культура

К началу Гражданской войны на территории империи действовала отлаженная система производства и распространения новых песен,

включавшая эстраду, дешевые песенники, нотные издания и пластинки. Стандартный путь песни на вершину популярности: эстрада и пластинка, нотное издание и, наконец, песенник.

Главными поставщиками новых песен были крупные города, особенно обе столицы. Деревня обновляла свой репертуар прежде всего за счет идущих из города песен, при этом песни, которые были ей непонятны, отсеивались¹.

Наиболее продуктивная форма русской бытовой песни начала XX в. – классический стихотворный размер, куплеты из четырех строк перекрестной рифмовки.

В плане содержания особенно любимы были песни, герои которых, а вслед за ними и слушатели, испытывают преувеличенно сильные эмоции: страсть, ревность, безысходное горе; сюжет развивается стремительно и, как правило, заканчивается трагически². Больше всего таких песен было о любви, но на Гражданскую войну шагнула в первую очередь численно небольшая группа песен о волевых личностях-мужчинах, нарушающих общепринятые нормы: разбойниках, арестантах, пьяных гуляках; песни о них и в мирное время пользовались особым успехом в мужском репертуаре³. На волне празднования столетия войны 1812 г. в компанию к разбойникам попал Наполеон с песнями «Шумел, горел пожар московский» и «Воздушный корабль».

Ушли на Гражданскую войну и массовые песни военной тематики: «Трансвааль», «Плещут холодные волны», «Варяг» («Наверх вы, товарищи, все по местам»), «Умер бедняга», «Гусары-усачи» и «Прапорщик юный». Все они, кроме «Гусаров-усачей», тоже трагичны.

В итоге на Гражданской широко использовались (многократно зафиксированы) несколько десятков общеизвестных бытовых песен. Если сопоставить это количество с общим содержанием дешевых песенников 1910-х гг., то в лучшем случае каждая десятая песня из песенников ушла на фронт и бытовала на нем в той или иной форме, в прежнем виде или переработках. Песни балладного типа, с явно выраженным внешним сюжетом, в целом оказались более востребованы, чем песни романсного типа, в которых лирическое начало доминирует над повествовательным.

Ниже даны около трех десятков песен, популярных и накануне Гражданской войны, и в ее

ходе; все они взяты из двух произвольных песенников 1910-х гг.: «600 песен» киевского издателя И.Т. Губанова⁴ и «1000 песен» московского издателя А.Д. Сазонова⁵ (сборники включали, несмотря на заглавие, 159 и 195 песен соответственно).

«Ах, зачем эта ночь!», «Бывали дни веселые», «Воздушный корабль», «Гусары-усачи», «Доля бедняка», «Ермак», «За Уралом, за рекой», «Ланцов», «Маруся отравилась», «Мы живем среди полей», «На сопках Манчжурии», «Наша жизнь коротка», «Ой, полна, полна коробушка», «Отворите окно», «Пишет, пишет царь германский», «Плещут холодные волны», «По диким степям Забайкалья», «Помню, я еще молодухой была», «Чуркин», «Славное море, священный Байкал», «Стенька Разин», «Трансвааль», «Уродилась я», «Ухарь-купец», «Чайка», «Шумел, горел пожар Московский».

Большинство текстов этой случайной выборки из 26 песен написаны профессиональными поэтами. В них нет сложной лексики. Поэтические размеры разнообразны. «Уродилась я» – стилизация под народный дольник, семь песен сложены ямбом, семь – хореем, 11 – трехсложными размерами (это неестественно высокая доля трехсложников для русской поэзии XIX–XX вв.), причем пять случаев пришлось на амфибрахий, главный размер баллады русского романтизма⁶: и сама романтическая баллада первой половины XIX в., и ее размер ушли на фронт Гражданской войны.

Уже на этой подборке можно увидеть примеры связи формы, темы и ситуации: баллада «Стенька Разин» стала одной из самых ходовых моделей для песен-хроник, а, скажем, «Отворите окно», для этой цели не выбирали. Моделью для похоронного марша и вообще песни на гибель героев стали трехсложные песни с темой смерти – из выше приведенных это «Плещут холодные волны» и «Чайка»; кстати, популярные на Гражданской войне похоронные марши революционной и армейской традиций тоже трехдольны: «Спите орлы боевые», «Вы жертвою пали» и «Замучен тяжелой неволей». Павший герой – это романтический герой, и он должен быть увековечен в амфибрахии или дактиле, а лучше сразу в обоих размерах, как дроздовский полковник Жебрак⁷.

Перечисленные песни бытовали в формировании разного социального состава. Генерал

Добровольческой армии Марков любил петь «Мы живем среди полей» (в оригинале – «среди лесов») с первой ротой своего офицерского полка⁸, «Плещут холодные волны» была одной из любимых песен и полуграмотных сибирских красных партизан-крестьян (судя по количеству ее переработок ими), и в целом белого движения на Юге России, социально крайне пестрого⁹.

Репертуар профессиональных и артистов и музыкально образованных любителей, которые выступали перед участниками войны, был шире этого круга песен, как и ассортимент пластинок. На войне слышали и оперные арии, и салонные романсы, и песенки кабаре, но эти песни в свой репертуар включали подразделения скорее городские, из более состоятельных и образованных слоев: молодые офицеры, студенты, юнкера, гимназисты – пока социальный состав части не размывался. В булгаковских «Днях Турбиных» киевские юнкера в декабре 1918 г. поют Вертинского, ноты которого издавались в Киеве, и сам он гастролировал там в годы Гражданской войны¹⁰ (юнкера эти разбежались до первого боя), а армия самарского Комуча в качестве неофициального гимна распевала «Шарабан», который не успел выйти на пластинках и попасть в песенники. Он написан в ритме шансонетки, а содержание балансирует на грани шансонетки и цыганского романса – т. е. на грани песни о любви продажной и чистой; на войне он эволюционировал в первую сторону: «*А кушать хоца, / А денег нету. / Со мной гуляют / Одни кадеты*». Но далеко не все городские жители, которые примкнули к белому движению на Востоке России позже и зачастую принудительно, хорошо приняли «Шарабан».

В ходе Гражданской войны исчезло единое коммуникационное пространство и прежняя система производства новых массовых песен рухнула. С 1918 г. почти не выходили ноты, пластинки и коммерческие песенники. Эстрадная жизнь продолжалась, но лишь единицам новых эстрадных песен удалось получить широкую известность в разных воюющих лагерях, как это случилось с песней о поединке красного и белого братьев: «*Во селеньи, в крестьянской избушке / Жили мирно два брата с отцом*». Ее белая версия будто бы уже весной 1918 г. исполнялась в кинематографах Харькова¹¹, а красные в 1930-е гг. были записаны от бывших участников

войны в разных уголках страны, включая Карелию и Забайкалье. Но и эта песня использовала готовую мелодию блатной песни «Ах пойте, вы, клавиши, пойте».

Новых мелодий Гражданская война почти не дала, и в этом ее отличие от Первой и Второй мировых. Использовались старые напевы, которые трансформировались под влиянием локальных традиций и конкретной ситуации (например, сибирские крестьяне пели революционные песни на манер христианских песнопений); более стабильными оставались напевы песен, популярных в старой армии – они уже прошли отбор армейской среды¹².

Армейская и казачья традиции

Русская армия до 1874 г. была замкнутым сословным сообществом; рекрут даже после окончания службы числился в военном сословии, и его потомки обязаны были служить. После Крымской войны срок фактической службы последовательно сокращали с 20 до 7 лет, а в 1874 г. ввели всеобщую шестилетнюю воинскую повинность с сохранением за новобранцем прежнего сословия. Армия стала сообществом временным, а ее песенная традиция более открытой для взаимодействия с другими.

О песнях рекрутской армии мы можем судить по сборнику солдатских песен Альбрехта и Веселя. Составители на основе почти 30-летних наблюдений попытались дать наиболее репрезентативную картину репертуара нижних чинов, исключив «плохие романсы» и «весьма непристойные песни»¹³.

Рекрутская армия использовала два типа песен: собственно песни и припевки. Припевки – плясовые песни преимущественно крестьянского происхождения или в стиле крестьянских, без рифмы или с парной рифмой, сложенные хором или дольником:

Ой, хмель, мой хмелек, где ты зимовал?

Ой, сын, мой сынок, где ты ночевал?

Припевки сохранились и на Гражданской войне, наиболее известны «Дуня» и «Журавель». «Яблочко» и другие танцевальные частушки – типологически тоже припевки. Собственно, и «Шарабан», куплеты которого импровизировали, подобно куплетам «Дуни» и «Журавля», занял нишу припевки. С припевками связан «неприличный», «похабный» с точки зрения сто-

ронного наблюдателя репертуар армии. Для самой русской армии он был типичен¹⁴, а, скажем, в британской армии Первой мировой войны вообще преобладал¹⁵.

Из специфических тем песен можно выделить, по меньшей мере, песни-хроники с последовательным изложением хода реальных или типизированных боев и военных кампаний: в отличие от баллад, в них нет острых эмоций и не обязателен трагический финал; популярность держится на том, что исполнители и есть герои песни, и написаны песни обычно от первого лица. Песни-хроники Гражданской войны создавались на основе старых армейских либо, как было показано на примере «Стеньки Разина», на основе массовых песен балладного типа.

Из 100 песен, вошедших в сборник Альбрехта и Весселя, 21 написана неклассическими народными размерами (пятисложником и долъником), остальные классическими, причем 43 песни приходится на два конкретных размера: четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских рифм (32 песни: «Было дело под Полтавой», «Не орел под облаками», «Взвейтесь, соколы, орлами», «Ночи темны, тучи грозны» и др.) и четырехстопный ямб с таким же чередованием – этот тот же размер, что и предыдущей, но с наращенным первым безударным слогом (9 песен: «Любезный друг, уведомляю», «О чем задумался служивый» и др.; этим же ямбом сложены «Коль славен наш господь в Сионе», «Интернационал», «Мы кузнецы» и зачин «Евгения Онегина»).

Для того, чтобы спеть все 43 песни, в принципе достаточно знать две мелодии – например, «По долинам и по взгорьям» (или «Стенька Разин») для хорей и «Коногон» (она же «По полю танки грохотали») для ямба. Это сильно облегчало освоение новых песен: для любого нового текста в этом размере у запевалы были готовы мелодии.

К началу Гражданской войны неклассические народные размеры резко сдали позиции (дольше всего они держались у казаков, которые остались военным сословием), но в целом разнообразие размеров выросло.

Из 89 песен и стихов солдатского сборника Симакова 1916 г.¹⁶ – одного из наиболее репрезентативных – всего 4 написаны неклассическими размерами. Доля четырехстопного хорей с

чередованием женских и мужских рифм упала, но он остался лидирующим размером – 19 песен, а доля аналогичного ямба даже выросла – 9 песен.

Мы проанализировали около 1000 фиксаций песен на Гражданской войне (газетных публикаций, фольклорных записей, упоминаний в мемуарах, художественных произведениях участников войны), и оказалось, что число фиксаций песен, сложенных четырехстопным хореем с чередованием женских и мужских рифм, а также аналогичным ямбом, в разы превышает число фиксаций песен, сложенных любым другим размером. Армейская песенная традиция на Гражданской войне оказалась самой продуктивной.

Революционная традиция

Революционная традиция, как и армейская, включала пение на марше. Она же включала пение на похоронах, тогда как в царской армии использовалось религиозное отпевание, а для офицеров – еще и оркестр.

С армейскими песнями революционные сближала военизированная тематика: «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки», «В бой роковой мы вступили с врагами», «Это есть наш последний и решительный бой», но сложная лексика и бессюжетность революционных песен: «Интернационала», «Рабочей марсельезы» и «Варшавянки» и других, – замедляли их освоение. Оознавали их многие, но к началу Гражданской войны знали текст прежде всего те, для кого они были символически ценными: бывшие участники рабочего движения, как Ивано-Вознесенские ткачи¹⁷, матросы¹⁸, социалисты, анархисты.

А. Серафимович писал в конце 1918 г. из-под Уфы, что красноармейцы слов революционных песен не знают¹⁹. Армейская газета Дальневосточной республики «Боец и пахарь» летом 1921 г. возмущалась, что армия марширует под переделки песен «Соловей, соловей, пташечка», «Черные гусары» и «Гусары-усачи», а революционные мелодии использует редко²⁰.

«Интернационала» – гимн большевиков, советской России и просоветской Дальневосточной республики, – был безусловно популярен, но лишь среди сторонников советской власти. За «Марсельезой» закрепился ореол универсальной революционной песни, символа освобожде-

ния от ненавистного режима – будь-то царский, красный, белый или иной. Красная Таманская армия в октябре 1918 г. штурмовала Ставрополь под ее музыку²¹, ее пели освобожденные Волжской флотилией пленники ижевских повстанцев²², она звучала на улицах Иркутска в январе 1920 г., как только гарнизон сверг власть Колчака²³, под нее кронштадтские мятежники хоронили павших²⁴, и к ней же апеллируют в своей песне повстанцы Иркутской губернии, уже антибольшевистские, в 1921 г. (сама песня написана на основе «Смело, товарищи, в ногу»):

*Вышли мы все из терпенья,
На сердце лопнул нарыв,
Под марсельезы и пенье
К восстанию явился порыв*²⁵.

Исследователь русской революционной песни М. Друскин не включил «Рабочую марсельезу» в число популярных красноармейских песен Гражданской войны²⁶. Материалы войны это мнение опровергают, однако, действительно, она не входила в число песен, особо продвигаемых политическим руководством Красной армии. В красноармейских песенниках «Рабочая марсельеза» публиковалась после «Коммунистической марсельезы» Д. Бедного и «Пролетарской марсельезы» А. Коца либо игнорировалась. В самый известный и наиболее часто переиздаваемый песенник Красной армии, изданный ВЦИК в Москве в 1918 г., она не вошла²⁷.

На белых территориях «Марсельеза» звучала при встрече представителей союзной Франции (но напев «Рабочей марсельезы» отличается от напева французской), а в колчаковских газетах публиковались агитационные песни на основе «Рабочей марсельезы».

Успешны оказались «Смело, товарищи, в ногу» и «Вы жертвою пали». У них простая строфика – написаны четверостишиями; у обеих есть популярные песни-предшественницы в том же размере и на ту же тему: народовольческий гимн «Смело, друзья! Не теряйте!» и «Не бил барабан перед смутным полком» («Вы жертвою пали» поется на ее напев). «Вы жертвою пали», главный похоронный марш русского революционного движения с 1870-х гг., был и главным похоронным маршем красных.

«Смело, товарищи, в ногу» широко использовали разные стороны. Добровольческая армия уже в первом походе пела «Дружно, корнилов-

цы, в ногу»²⁸, и, как мы уже видели, песню в качестве образца взяли антибольшевистские иркутские повстанцы.

«Интернационал», «Вы жертвою пали», «Рабочая марсельеза», «Смело, товарищи, в ногу», – четыре наиболее востребованные на Гражданской войне песни революционной традиции. Последние три сложены трехдольными размерами, непривычными для русской рекрутской армии, но все эти размеры к началу XX в. в армии уже прочно использовались (ср. «Вы жертвою пали» с «Песней о вещем Олеге» и «Варягом»; «Смело, товарищи в ногу» с «Плещут холодные волны» и «Спите, орлы боевые»; «Рабочую марсельезу» с «Прощанием славянки» и «Ночь прошла в полевом лазарете»). «Варшавянка», «Мы кузнецы», «Красное знамя» и другие революционные хиты сильно уступают этим четырем по числу упоминаний.

Церковная традиция

Некоторые армии Гражданской войны, в том числе большинство белых, сохранили исполнение утренней и вечерней молитв; в Галлиполи хор Корниловского полка выступал с церковными песнями русских композиторов²⁹. Отпевание павших практиковали и некоторые красные формирования, обычно совмещая с пением «Вы жертвою пали»³⁰.

Однако единственная широкая сфера применения православных песнопений как материала для новых песен Гражданской войны – это их пародирование. Например, чапаевцы любили петь акафист во славу самих себя³¹.

Немногочисленные попытки создать успешную не пародийную песню на основе текстов и мелодий православных песнопений не увенчались успехом. В Забайкалье диакон Никита Алексеев, в числе других сельских священников примкнувший к красным повстанцам, сочинил песню «Стойте за правду, товарищи смело» «на мотив из святого писания», но она не удержалась в устном репертуаре³².

Студенческая, юнкерская, кадетская, школьная традиции

Традиции эти были актуальны прежде всего для формирований из студентов, гимназистов, юнкеров и кадетов – т.е., для первых месяцев Гражданской войны, пока эти формирования со-

хранили однородный состав, а также для белогвардейских военных училищ и красных командных курсов. Но некоторые песни преодолели эти рамки.

На Гражданскую войну ушли две популярные среди городской молодежи патриотические песни времен Первой мировой – «Вспоили вы нас и вскормили» и «Пусть свищут пули, льется кровь». Молодые люди, стремившиеся, но не успевшие попасть на Первую мировую, принесли эти пафосные песни на новую войну. «Вспоили вы нас и вскормили» была гимном ростовского Студенческого батальона, вошедшего в Добровольческую армию ³³ – первоначальный его состав погиб в ходе первого же похода; ее же пела наспех сформированная из молодых офицеров, студентов и гимназистов первая батарея армии Комуча ³⁴; летом 1919 г. песню пели по пути на фронт выпускники колчаковских иркутских военных училищ ³⁵. Версии ее бытовали и у сторонников советской власти: в середине 1920-х гг. пионеры пели одну из них на встрече с бойцами 27-й дивизии ³⁶.

«Пусть свищут пули» стала гимном Алексеевского полка Добровольческой армии, при формировании состоявшего в основном из ранее не воевавшей молодежи, а в крымский период Белого движения превратилась в одну из самых любимых его песен ³⁷. С этой же песней весной 1919 г. красные курсанты, в их числе Аркадий Гайдар, отправлялись из Москвы в Киев ³⁸. Ее популярности не помешал редкий поэтический размер, не типичный ни для песен старой армии, ни для песен Гражданской войны в целом.

Студенческая песня «Наша жизнь коротка» легла в основу «Песни блиновцев» – гимна 5-й Кавалерийской дивизии красных, костяк которой составили донские и заамурские казаки. Она сложена в ходе боев за Крым в 1920 г. и начинается строками о первом командире М.Ф. Блинове:

*Вспомним, братья, того,
Кто восстанье поднял,
Кто в суровой борьбе
За трудящихся пал.
Верь, товарищ, всегда
В силу наших идей
В новом мире труда
Уж не будет цепей.
На бой! На бой!*

Вперед смелей!

Пусть блиновцев семья

Соберется тесней...³⁹

Казалось бы, странный выбор для казаков, но, во-первых, песня была в начале XX в. общеизвестной. Во-вторых, среди командиров красных казачьих частей было немало недавних студентов: у Бабеля в «Конармии» командиры-буденновцы поют на дружеских пирушках студенческие песни⁴⁰. В-третьих, похожая застольная песня была в царской армии: «*Выпьем первый бокал /За здоровье царя*»⁴¹. Наконец, этот же поэтический размер использован в казачьей песне «*Там, где волны Аракса шумят, /Там посты чинно в ряд /По границе стоят*», которую пели и на Гражданской войне.

Мы видим, что песня, первоначально популярная в ограниченном сообществе, могла расширить границы своей популярности при удачном стечении обстоятельств, например, в силу особой роли представителей этого сообщества в легендарной истории части, или при созвучности этой песни песням других традиций.

Официальные гимны

«Боже, царя храни» в годы Гражданской войны стал символом белых и вообще «старого режима» в глазах красных. Он остался в неофициальном репертуаре монархистов, но как официальный русский гимн использовался лишь на Дону при атамане Краснове, при этом выше по статусу был донской гимн «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон». В мемуарах Краснов объяснил исполнение «Боже, царя храни» тем, что другой официальный русский гимн «Коль славен» ассоциировался с похоронами⁴²: именно он в царской и белых армиях звучал на похоронах офицеров. У Колчака тем не менее «Коль славен» стал гимном, а Добровольческая армия при первой встрече представителей Антанты исполнила в качестве русского гимна «Преображенский марш»⁴³. Как модель для новых песен Гражданской войны старые имперские гимны не получили распространения.

Выводы

1. На Гражданской войне наиболее распространены и универсальны были песни, форма которых типична для русской армии второй п. XIX – начала XX в.: классический поэтический раз-

мер, четверостишия с перекрестной рифмовкой, преимущественно четырехстопные хорей и ямб с чередованием женских и мужских рифм, как в песнях *«По долинам и по взгорьям /Шла дивизия вперед»* и более поздней *«По полю танки грохотали, /Танкисты шли в последний бой»*.

Более архаичную форму сохранили плясовые песни (чаще всего хорей с парной рифмовкой) и частушки (дольник).

2. Из песен массовой культуры использовались в первую очередь баллады военной или близкой к военной тематике.

3. От романтической баллады и в целом поэзии романтизма русская армия, русское революционное движение, а следом и армии Гражданской войны переняли классические трехдольные размеры, которые в определенных ситуациях лидировали: например, песни на смерть героев на Гражданской войне слагались амфибрахием или дактилем.

4. Лишь несколько революционных песен получили широкое распространение: «Интерна-

ционал», «Вы жертвою пали», «Рабочая марсельеза» и «Смело, товарищи в ногу». Две первые вошли в репертуар преимущественно сторонников советской власти, вторые использовались в разных лагерях.

5. Официальные имперские гимны и церковные песнопения, несмотря на широкую известность, как модель для новых песен распространения не получили, не считая пародийных переделок церковных песнопений.

6. В целом более успешны были песни, форма и тематика которых была привычна сразу для нескольких традиций (и прежде всего, армейской), однако решающую роль могли сыграть другие факторы, в том числе символическая ценность. Судя по тому, что многократные публикации идеологически выверенных песен в песенниках и газетах, а также призывы к их разучиванию не приводили к их популярности, принуждение к освоению той или иной песни не было решающим фактором формирования репертуара Гражданской войны.

¹ Симаков В.И. Народн. песни, их составители и их варианты. М.: Автор, 1929. С. 26-37, 53-54.

² Там же. С. 57-62.

³ Астахова А.М. Новиков Н.В. Рус. традиц. фольклор в годы Вел. Отеч. войны // Рус. фольклор Вел. Отеч. войны / [Отв. ред. В.Е. Гусев]. М.; Л.: Наука, 1964. С. 45.

⁴ 600 песен: Новейш. рус. песенник / Собр. И. Овчинников. Киев: Изд. И.Т. Губанова, 1914.

⁵ 1000 песен: Новейш. полн. рус. песенник. М.: [Изд. А.Д. Сазонова], 1916.

⁶ Гаспаров М.Л. Современ. рус. стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. С. 48-63.

⁷ Аранович А.В., Лобанов В.Б. Неизвестные песни гражд. войны // Марсово поле: Санкт-Петерб. историч. сб. Вып. II. СПб.: Третья Россия, 1997. С. 35.

⁸ Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело: Избр. произв. в 16 кн. Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 191.

⁹ Пронин Д. Записки дроздовца-артиллериста // Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н. Седьмая гаубичная. 1918-1920. Нью-Йорк, 1960. С. 101.

¹⁰ Булгаков М.А. Дни Турбиных // Булгаков М.А. Белая гвардия: Роман, повесть, пьесы / Сост. В.В. Петелин. М.: Современник, 1991. С. 342-343.

¹¹ Тарахно П.Г. Жизнь, отданная цирку. М.: Искусство, 1976. С. 80.

¹² Нестьев И.В. Массовая песня // Очерки совет. муз. творчества. Т. 1. М.; Л.: Музгиз, 1947. С. 238.

¹³ Альбрехт Е.К., Вессель Н.Х. Сб. солд., казац. и матрос. песен. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. С. VIII.

¹⁴ Сурков А. Песенники на середину // Знамя. 1934. №8. С. 224.

¹⁵ Brophy J., Partridge E. (ed.). Songs and Slang of the British Soldier: 1914-1918 / 2nd ed. London: Partridge at the Scholartis Press. 1930. Pp. 7-14.

- ¹⁶ Симаков В.И. Новейш. воен. песенник. Ярославль: Изд. К.Ф. Некрасова, 1916 // Перв. мировая война в устн. и письм. творчестве рус. крестьян: По материалам Пушк. Дома. СПб.: Пушк. Дом, 2014. С. 204-265.
- ¹⁷ Фурманов Д.А. Чапаев // Фурманов Д.А. Соч. в 2-х т. Т. 1. Л.: Худ. лит., 1971. С. 32.
- ¹⁸ Серафимович А.С. Железный поток // Серафимович А.С. Железный поток; Рассказы. Л.: Лениздат, 1982. С. 53-54.
- ¹⁹ Серафимович А.С. Подарки // Серафимович А.С. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1987. С. 105-106.
- ²⁰ Стихи, песни, частушки времен гражд. войны в Забайкалье / Ред. Л.Е. Элиасов. Чита: Читинск. изд-во, 1957. С. 383-384.
- ²¹ Ковтюх Е. Походы Красной Таманской армии // Гражд. война: Материалы по истории Красной Армии. Т.1. М.: Высш. воен. ред. сов., 1923. С. 499-500.
- ²² Рейснер Л. Фронт // Рейснер Л. Избранное. М., 1965. С. 48-49.
- ²³ Устрялов Н. 1919-й год. Из прошлого // Рус. прошлое: Историко-документ. альманах. №4. СПб., 1993. С. 260.
- ²⁴ Петриченко [С.М.] Правда о кронштадтских событиях. Б.м., 1921. С. 17-18.
- ²⁵ Хвалебнов. Минувшие дни (краткий очерк банд. движения по Иркут. губ. за 1920-21-22 г.) // Коммунист: Орган Иркут. губ. комитета Р.К.П.(б). Иркутск. 1923. №3. С. 33.
- ²⁶ Друскин М.С. Рус. революц. песня. Исследование // Друскин М.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 5: Рус. революц. песня / Сост. С.В. Подрезова. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 204.
- ²⁷ Боевые песни коммунистов. М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918.
- ²⁸ Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова (Очерки рус. смуты) // Белое дело. Избр. произв. в 16 кн. А.И. Деникин. Борьба генерала Корнилова. А.С. Лукомский. Воспоминания. М.: Голос, 1993. С. 108-109.
- ²⁹ Левитов М. Корниловцы в Галлиполи // Рус. армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. С. 162-165.
- ³⁰ Зазубрин В. Два мира. Омск: Омгиз, 1936. С. 252.
- ³¹ Фурманов Д.А. Указ. соч. С. 222-224.
- ³² ЦВРК (Центр восточных рукописей и ксилографов И-та монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского науч. центра СО РАН). Ф. 19. Оп. 1. Д. 149. Л. 179-180.
- ³³ Ларионов В. Из записок добровольца // В память 1-го Кубанск. похода / Под ред. Б.И. Казановича и др. Белград: Изд. Главн. правл. Союза участников 1-го Кубанск. похода. 1926. С. 39.
Фахретдинов Рустам Ибрагимович, Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, аспирант факультета антропологии, магистр филологии.
- ³⁴ Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на Востоке России / Сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. С. 50-51.
- ³⁵ Зазубрин В. Указ. соч. С. 59-60.
- ³⁶ Федоров П. Под красной звездой. Боевая история 27 Омской им. Итал. пролетариата стрелк. дивизии. М.: Воен. вестн., 1925. С. 86.
- ³⁷ Пронин Д. Указ. соч. С. 104.
- ³⁸ Гайдар А. В дни поражений и побед // Гайдар А. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Дет. лит., 1964. С. 18.
- ³⁹ Боевой путь блинцев / Под общ. ред. А.А. Масловского. Ставрополь: Сев. Кавказ, 1930. С. 231.
- ⁴⁰ Бабель И. Конармия // Бабель И.Э. Рассказы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 119.
- ⁴¹ Альбрехт Е.К., Вессель Н.Х. Указ. соч. С. 34.
- ⁴² Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело: Избр. произв. в 16 кн. Дон и Добровольческая армия. П.Н. Краснов. Всевеликое Войско Донское. А.И. Деникин. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Вооруж. силы Юга России. М.: Голос, 1992. С. 133-134.
- ⁴³ Там же. С. 128.

